

ДЖИНА ШЭЙ

16+

ЧАСТИЧКА
ТЕБЯ

На память

Джина Шэй
Частичка тебя. На память
Серия «Частичка тебя», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67878150

SelfPub; 2022

Аннотация

Та ночь была ошибкой. Его, моей, нашей...

Отказаться от неё у меня сил не было. Слишком долго и глубоко я была больна этим мужчиной. Вот только утром...

Да, я сказала ему, что люблю его.

Нет, он не упал на колени, не прозрел, не протянул мне свое сердце в раскрытых ладонях.

Он встал, оделся и просто ушел, не желая иметь со мной ничего общего.

Еще не зная, что частичку себя он мне все-таки оставил...

Содержание

Пролог. Энджи	4
1. Энджи	10
2. Энджи	20
3. Энджи	28
5. Энджи	50
6. Энджи	65
7. Энджи	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джина Шэй

Частичка тебя. На память

Пролог. Энджи

Он собирается, не глядя на меня. Будто его оскорбляет сама мысль, что мы можем столкнуться взглядами. Набрасывает рубашку на свои *такие красивые* голые плечи, торопливо застегивая пуговицы.

А восемь часов назад их расстегивали мои пальцы...

Глупая Анжелочка, на что ты надеялась? На то, что после этой ночи он вдруг заметит тебя, хотя три года не замечал, глядя в упор?

Нет, я ничего от него не ожидала.

Только в сказках безответная любовь получает огромную награду, и любимый мужчина в конце истории открывает глаза, падает на колени, раскаивается, что столько времени тебя не замечал.

Но чтобы вот так! Открыть глаза, глянуть на меня, вытянуться в лице и торопливо вскочить – а вдруг я вздумаю к нему прикоснуться.

– Ты ничего не скажешь? – сердце просто истекает кровью от происходящего.

Да, не этого я ждала, не этого. Только когда увидела его,

что-то внутри гулко вздрогнуло. Струна эмоций, которые я всегда тщательно скрываю. Всего лишь возвращалась с собеседования, печально вздыхала, что навряд ли меня возьмут в эту гостиницу. Эти могут себе позволить перебирать, но я попыталась хотя бы.

А в ресторане на первом этаже взгляд зацепился за мужскую спину, обтянутую белой рубашкой. Слишком хорошо знакомую мне спину. Таковую, что поставь передо мной сорок одинаковых мужчин спиной, я все равно узнаю Николая Ольшанского, не поднимая взгляда выше шеи. А уж если показать затылок – без вариантов.

Ник сидел у бара. Я не смогла пройти мимо...

Что это, если не судьба? – так шептало мое наивное подсознание.

Во всем, что касалось Ольшанского, я была ужасной наивной дурой. Ревнивой собственницей. Совершенно не имея на это ни малейшего права.

– Я был пьян, и не горжусь принятыми вчера решениями, – ледяным тоном отрезает Ник, всаживая еще один нож в мое бестолковое сердце. – Эта ночь была моей ошибкой. Это все, что я могу тебе сказать.

Вот тебе и судьба, Анж, получи, распишись, не жалуйся. Ты ведь вчера знала, что все именно так и закончится, так?

Нет. Это не только его ошибка. Я сама была пьяна. Не алкоголем – его жадными поцелуями в гостиничном лифте. Меня заштормило с первого же. А ведь договаривались, что

я просто провожу его до номера.

Вот только когда он зажал меня у двери номера... Когда я только глотнула его запах...

Запах сильного потрясающего мужчины.

Запах моей заветной мечты.

Запах моей безумной любви...

Я не могла остановиться. Не могла отказаться от Ника, от того, что он мне предлагал, хоть и не говоря ни слова. Просто не давая мне даже вдохнуть, атакуя меня своими губами без остановки.

Мне нужно было, да. Но я не могла.

Моя жизнь была в руинах все это время. Ничего не поменялось. Только на краткое время из-за темных туч проступило солнце. Вчера. Когда Ник накрыл мои губы своими.

Сегодня все возвращается на круги своя. И снова надо бегать, крутиться, думать, на какие деньги жить и оплачивать счета.

Смотреть, как он собирается, чтобы уйти.

– Ник, я тебя люблю, – бессильно произношу, потому что эти слова невыносимо жгут меня изнутри, – давно люблю. Все три года, что мы вместе работали.

Сказала, и тотчас же хочу отхлестать себя по щекам. Все эти признания – для маленьких глупых девочек. Взрослая женщина не должна вскрываться вот так. Ты или позволяешь себя любить, милостиво отвечая взаимностью, или молчишь, потому что ничего нет более бесполезного, чем лю-

бровь в одни ворота.

Вот только если я не скажу ему об этом сейчас – никогда не скажу.

Дошло до того, что я покаялась о чувствах к Нику бывшей сопернице, а не ему самому.

Мне больно – я точно знаю, какой будет реакция. И все разыгрывается как по нотам.

Он замирает всего на секунду. А потом рывком поднимается с постели, подхватывает свой пиджак со спинки кровати, смотрит на меня в упор, демонстрирует руку, на которой поблескивает золотой ободок.

– Я почти женат. Свадьба через три месяца. Люблю свою девушку. Еще есть вопросы?

– Нет вопросов, – я улыбаюсь через боль.

Лгун.

Любит он свою девушку, как же!

Он спалился сам, когда необузданный, возбужденный, вбиваясь в мое тело, захлебывался совсем не моим именем. И не именем этой своей девушки.

Я не знаю, как её зовут, но я уверена в этой мысли на сто процентов.

Просто потому что я лично знаю ту самую Вику, с которой он встречался какой-то год назад.

Ту, которая снесла ему крышу, из-за которой он ушел с хорошего места в престижной компании, ту, которой он сделал самое великое одолжение, на какое способен любящий

мужчина – он её отпустил! Отдал другому.

И вчера запивал в гостиничном баре тот замечательный факт, что она все-таки вышла замуж. Не пошел на их свадьбу, хотя его ведь приглашали. *Они ведь расстались друзьями...*

Ага, друзьями. Один из которых смертельно хотел другого. Так хотел, что вчера чуть на полу меня не разложил, под этим своим пьяным наваждением.

Вот только мне ничего не дает эта правда.

Холод стискивает меня в своих объятиях так, что невозможно дышать.

Наверное, самое лучшее в этой ситуации – не лгать. Самой себе не лгать.

Я все-таки надеялась на что-то иное...

Ник останавливается только у двери, оборачивается ко мне.

– Энджи...

Это обращение из запределья. Из тех времен, когда мы дружили. До того, как я его разочаровала. И птица в моей груди пытается встрепенуться и расправить сломанные крылья. Может, он...

Может, он передумал? И даст нам шанс?

– Ради нашей дружбы... – отрывисто просит Ник, не глядя на меня, – той, что продолжалась несколько лет... Не болтай об этой ночи. Нам с тобой это никак не поможет. Ты знаешь – я не терплю предательств. Я допустил ошибку. Я прошу у

тебя за это прощения. Но это все.

Боже, кто-нибудь скажите ему, что так, без анестезии, по живому резать бесчеловечно!

Мой взгляд теряет фокус. Только бы не расплакаться. Я взрослая, я сильная, что мне какое-то разбитое сердце?

– Конечно.

Что я могу сказать?

Что этой ночью я прикасалась к нему, целовала его, ласкала Николая Ольшанского, как ни одного мужчину в моей жизни.

Бездумно, растаяв, растворившись в нем до конца.

Закрыв глаза на то, что одержим-то он не мной. Сглатывая жгучие слезы, хлещущие из глаз, забываясь в своих иллюзиях.

Утро настало, иллюзии пора отправить на помойку. Они просрочились.

Дверь гостиничного номера закрывается за Ником. Просто. Он даже не попрощался со мной. Просто ушел, стремясь как можно быстрее забыть все, что происходило в этом номере.

Никто из нас еще не знает, что частичку себя Ник мне все-таки оставил.

1. Энджи

Можно сказать, у меня не было выбора. Говорят, девочки частенько влюбляются в мужчин, похожих на своих отцов. Я влюбилась в Николая Ольшанского по абсолютно противоположной причине.

Про Леонида Сергеевича Морозова мне так сложно говорить “только хорошее”. Хотя и полагается.

Мой отец *был* обаятельный, привлекательный, успешный и властный мужчина. Личного бизнеса не имел, зато возглавлял мелкое подразделение газовой службы московского пригорода. Мама так упоительно рассказывала, как он "доминировал" во время ухаживаний, и какой необычный и запретный он тогда был, как много девчонок перед ним бегало, а выбрал он мою матушку.

Я же слушала все это, скептически поджимая губы. Взрослая циничная я видела правду, даже не надевая очков.

Батюшка был на всю башку абыюзер, вечно требующий быть быстрее-выше-сильнее со всех членов моей семьи. У меня тоже, разумеется.

Ты плохо учишься, диплом может быть еще краснее.

Ты плохо работаешь, зарплата может быть еще выше.

Ты плохо заботишься о женихе, не дай бог он разглядит, какая ты на самом деле.

Вот и в аварию мы влетели по вине отца. Он выпил, словил

клина и начал орать на мать – ему не нравилось, как неуверенно она вела. Нужно было быстрее!

Я помню, как сидела на заднем сиденье и пыталась его утихомирить. Он расходился все сильнее. И мама совершенно растерялась, не справилась с управлением.

Мы вылетели на встречную полосу. Под колеса тяжелому дальнобою.

Мне “повезло”, я сидела не со стороны удара.

Отцу повезло меньше, отброшенная в сторону машина именно его боком впечаталась в столб.

Я не знаю, как из той сморщенной консервной банки выковыряли меня, как откачали и как я умудрилась отделаться всего тремя шрамами и двумя трещинами в ребрах после этого.

Шрам на животе...

Самый паскудный, самый ненавистный. Я свела его потом, практически полностью, но даже не видя глазами, ощущала на себе его печать.

В моей груди поселилась черная ледяная тьма. И её истербить мне не помог бы никакой пластический хирург.

Я зачем-то выжила. Трое членов моей семьи погибли, а я...

Господи, да лучше бы мне и ноги и руки переломало. Лишь бы выжил Алешка.

Да, я дала своему сыну имя. Практически сразу, как по УЗИ мне сказали, что будет мальчик. Мне говорили – не на-

до. Дурная примета. Я смеялась над предрассудками.

А потом пришла в себя после аварии, и его внутри меня уже не было.

Зачем? Зачем я пришла в себя после двухнедельной комы? Неужели так сложно было сдохнуть совсем, раз смысла в моей жизни осталось ровно полстакана?

Да-да, жизнь женщины не только в том, чтоб выносить и родить.

Господи, как меня иногда тошнит от нашего двадцать первого века с его гребаными современными взглядами. Чайлдфри вошли в моду и с пафосом проповедовали свою идеологию, доходя до откровенного хейта всех несогласных.

Я хотела ребенка. Очень. Маленькое чудо с бездонными глазками. Сладкие пяточки и пропахшие молоком волосики. Только ради этого я и собиралась выйти замуж.

И я не смогла его сохранить. Позволила умереть во мне.

И жесточайшая казнь от судьбы – лишить меня права на материнство совсем. И правильно. Я не смогла. Не защитила. Нужно было отказаться от той поездки!

Первым кончилось терпение у моего жениха. Он ушел, заявив, что я никогда не переживу аварию и не смогу принять свою потерю. Как же он тогда сказал?

Ты навсегда останешься в той разбитой машине, Эндж.

Кто-то очень много пересмотрел пафосных киношечек.

Я не держала его. Эйфория первой влюбленности сошла на нет гораздо раньше, мы и жениться-то с Димой собира-

лись только из-за моей нечаянной беременности. Он был слишком пассивен, чтобы сделать это по какой-то другой причине. А я тогда еще думала, что как же я в этом деле обойдусь без мужчины?

Я ушла с головой в работу, убедила себя в том, что я – карьеристка, перестала искать постоянных отношений. Зачем?

Нормальный мужчина рано или поздно непременно захочет детей. И что я ему предложу? Слезливую историю о том, как беременная попала в аварию и больше не могу даже зачать?

Нет, я пыталась. Боролась. Проходила восстанавливающую терапию. Как оглашенная твердила, что мизерный шанс все-таки есть, и надеялась на гребаное чудо. Ждала его.

Подружки морщились и закатывали глаза. Крутили у виска за спиной.

Вот ведь тебе приспичило. Радуйся. Не надо рожать, портить фигуру. В конце концов, возьми из детдома.

Да, из детдома взять было можно. Но как же хотелось свое чудо. Зачать. Выносить в себе. Ощущать его шевеление, толчки. Родить – пережить день боли, ради одного маленького нового человека.

Жених ушел? Да и черт с ним! Мужчина не обязателен, так ведь? В наш-то век! Возможно, ЭКО все-таки мне поможет получить желаемое?

Попытка за попыткой, попытка за попыткой...

Безуспешно.

Надежда на чудо начала кончаться уже и у меня.

Когда я пришла в “Рафарм” – мне кажется, я была разлагающимся трупом, пустым, зачем-то склеенным сосудом.

Наши отношения с Ником практически сразу установились на грани дружбы – в конце концов, я была его правой рукой в отделе. Строила его раздолбаев-переводчиков, пока он мотался по переговорам, пила их кровь, была самым ненавистным, но ключевым сотрудником отдела. Ник никогда не отрицал значение моей работы. Мы и не заметили, как пицца и совместный кинопросмотр по пятницам стали у нас обычным времяпрепровождением. *Почти семейная традиция.*

А уж когда начинался хоккейный сезон – я вообще постоянно торчала у Олышанского. Особенно когда сходились мой любимый Локомотив и его любимое Динамо. Проигравший покупал чипсы...

Кажется, в этот период я и ощутила, как все глубже привязываюсь к Нику. На лету. Он был теплый, он единственный не высказывал моим озабоченным попыткам забеременеть никакого осуждения. Он тащил меня из депрессии, пожирающей меня все сильнее. Я ощущала легкий вкус жизни рядом с ним. Он помогал, просто потому что не мог не помогать. Такой мужчина – щенка подберет, вымоет, оставит, одержимую истеричную бабу будет выпаивать чаем на своей кухне и работать для её рыданий бесплатной жилеткой. И это я про себя, конечно же...

Вот как в него вообще было не влюбиться?

Такой теплый, такой обаятельный, Ник только-только развелся с женой – и боже, как долго я не понимала эту идиотку. Как? Как можно было отказаться от этого мужчины? Вот от этого заботливого, обходительного мушкетера. Который на высокой руководящей должности оставался самим собой. Парадоксальным образом сочетая в себе и требовательность, и человечность.

Вот только...

Я в него влюбилась. Господи, я с ума сходила по нему, отчаянно желая, и в то же время не решаясь ни на какие решительные действия. Впервые в жизни действительно хотела, чтобы мужчина разглядел меня сам.

Ведь вот она я, смотри, я хорошая! Всегда помогу, всегда отвечу! Со мной можно ездить верхом и обсуждать прошедшие хоккейные матчи! И работаю я на износ, ради нашего общего будущего в этой компании!

Вот только месяц проходил за месяцем.

Ник по-прежнему видел во мне только друга. Наши встречи оставались дружескими посиделками. Не пытался целовать, прикоснуться – максимум, обнимал при личной встрече не на рабочей территории – боже, как я умирала во время этих объятий...

А потом появилась Вика...

Вика была из тех женщин, с которыми нереально соперничать.

Умная, красивая, умеющая произвести впечатление.

Мой бывший босс взял её на работу с одного только собеседования, произошедшего, блин, на улице после корпоратива.

Когда я услышала эту историю в первый раз – я озадачилась только одним вопросом...

КАК?!

У меня за плечами были высшие курсы управления, стажировка в трех крупных компаниях, красный диплом, рекомендации и “связи” – подруга, стоящая во главе кадрового отдела.

И я, между прочим, проходила стандартную шестиступенчатую схему отбора, с несколькими собеседованиями и кучей тестирований и проверок.

Вот так, да.

А некоторые могут зайти в крупные концерны с улицы, с ноги открыв дверь. И за считанные недели сделать карьеру.

Нику Вика тоже запала в душу с первой же их встречи – обычного рабочего аудирования. Он как старший переводчик регулярно их устраивал для кандидатов в свой отдел.

– Приятная девушка, – сказал он мне по возвращении, и я впервые видела в его серых глазах такое яркое пламя. Он ей заинтересовался не только как будущей подчиненной – это было очевидно. Отчаянно хотелось укунить себя за ладонь, до того много во мне тогда вскипело досады.

Вот как? Я три года с ним дружу, уже только что вслух не

говоря, что он мне нравится, и на меня он в упор не смотрит, а она – с первой же встречи...

Женская магия, не иначе!

Когда ее разливали по чашкам другим девочкам, мне достались железный хребет, стержневой характер и потрясающее умение быть абсолютно незаметной для тех людей, которые нравятся мне.

Это был первый настолько сильный роман Ника за три года после развода. Все остальное не подлежало никакому сравнению. Ник был влюблен. По уши. Как мальчишка. Выглядел взбудораженным, опьяненным. Снова мечтал о семье и детях. С ней. Вслух. При мне!

Выдал бы ему кто-нибудь канистру бензина и зажигалку лучше. Быстрее бы сгорела, не мучилась бы так.

Меня рвало на куски от ревности.

Впервые за три года безукоризненной работы я допустила кучу ошибок. Попыталась подставить Вику и добиться её увольнения – но сама подставилась перед Ником. Он узнал, причем гораздо быстрее, чем я ожидала.

Меня ждал серьезный разговор, как у брата с младшей сестрой, исписавшей стены в его комнате. Ник меня отчитал. Запретил даже пытаться вредить Вике.

– Я даже представить себе не мог, что ты способна на такую выходку, Энджи.

Таких разочарованных глаз, как тогда, я у Ника никогда не видела. С дружбой было покончено. Я потеряла последнего

человека, который меня поддерживал.

Не сказать, что я сдалась сразу... Были еще мелкие пакости... Я очень хотела избавиться от соперницы, надеялась, что без неё у меня получится все исправить, вернуть его расположение. Да и невыносимо больно было смотреть, как Ник выводит её за ручку из кабинета, возит её домой, ищет встреч по выходным, как она уходит от него с припухшими от поцелуев губами...

Мне как будто тушили об спину окурки. Каждый рабочий день!

Почему? Почему он выбрал её? Чем она лучше меня? Потому что она может подарить ему ребенка, а я – нет?!

Никогда раньше меня не одолевало столько отчаяния и презрения к самой себе. И вправду. Кому нужна женщина-калека, когда рядом есть здоровое, красивое совершенство?

Ошибок оказалось слишком много. Я недооценила свою подругу, я неверно поняла её мотивы. В конце концов – попалась на уловку дешевого шантажа.

Я не знала. Не знала, во что меня втягивают, не знала, зачем Крис нужен Викин пропуск. Даже не предполагала, что они попытаются подставить её, запустив вирус в корпоративную сеть.

Только незнание от наказания не освобождает...

Финальным аккордом этой драмы для меня стало увольнение и обвинение в корпоративном шпионаже. Крест на ка-

рьере. Больше у меня ничего не осталось.
До сегодняшнего дня.

2. Энджи

Чтоб тебя... Снова две полоски!

Я недоверчиво роняю тест на тумбочку, и смотрю на еще пять штук положительных, что там уже ожидают.

Нет, ну... Столько ложноположительных тестов просто не бывает. А ты, Анжелочка, чертова недоверчивая неврастеничка, раз с первого раза поверить не можешь. И с пятого тоже.

А бывает ли так, чтодохлая кобыла родит жеребенка?

Четыре года назад диагноз врачей был неутешителен.

Я потеряла все тогда. Отца. Маму. Ребенка. Свою женскую суть.

Врачи сказали, что шансов забеременеть у меня нет. Слишком тяжелые последствия выкидыша.

Я снова недоверчиво гляжу на тесты перед собой. Две полоски на каждом. Красные, яркие, не оставляющие сомнений.

Может, тесты слишком дешевые? Бред, конечно, но... Все-таки пятнадцать рублей за тест – цена, которая вызвала у меня сомнения. Хотела сэкономить, деньги уже самым опасным образом заканчивались.

Нет, я хочу исключить этот вариант как таковой, иначе так и буду терзаться ночь, утро...

Выхожу из ванной, обуваюсь, набрасываю на плечи курт-

ку. Замок снова щелкает, слетая с молнии. Блин! Давно нужно купить новую куртку, а я никак не могу выкроить на это лишних денег. В этом минус фриланса – он категорически нестабилен. Деньги то есть, то нет. Сейчас – нет. Приходится носить старую куртку, а она с недавних пор еще и в груди начала жать!

Из квартиры спускаюсь бегом, как можно быстрее пытаюсь проскочить мимо двери старшей по подъезду. В первый раз мне это удалось.

Удача непостоянна!

– Анжелочка! – возглас Арины Борисовны как гарпун – вонзается под мою лопатку, когда я уже почти добежала до подъездной двери. Черт, она все-таки пришла с работы. Ну все, теперь мне точно не миновать очередной лекции на тему, почему я допускаю долги по коммунальным платежам и как из-за меня страдают все остальные жильцы подъезда

Я её знаю – если не ответить ей сейчас, она дождется меня на лавочке у подъезда, и вот тогда меня ожидает поистине грандиозный разнос. Хотя...

– Арина Борисовна, простите, я опаздываю на собеседование, вы же знаете, что это ужасно важно, – тараторю торопливо, оборачиваясь и цепляя на губы виноватую улыбку.

Знает. Она слушает мои рассказы про сложное материальное положение и проблемы с трудоустройством уже не первый месяц. Кивает, пеняет на то, что если я не погашу долгов – рано или поздно меня выселят из квартиры.

Я выскакиваю из дома и несусь к ближайшей аптеке.

Ближайший час я домой ни ногой, как ни крутите. Я “на собеседовании”. Ладно, в кошельке завалялась пятисотка, если тест окажется положительным – сожру маленькую пиццу в одной пиццерии неподалеку. Арина туда точно не сунется.

Хотя, это, конечно, сильно исчерпает мне денежный лимит на эту неделю. Но...

Я не могу унять теплый трепет в моей груди. Пять положительных дешевых тестов. Пять! Если мои подозрения подтвердятся, если месячные не начались не просто так... Если есть шанс...

То что я буду делать?

Я не могу устроиться на работу уже полгода. Мои сбережения подходят к концу. Мне еще шесть лет выплачивать исковой долг компании, из которой меня уволили с волчьим билетом. Спасибо дорогой лучшей подружке, которая втянула меня в свои игры с корпоративным шпионажем. И пусть мне удалось отбиться от большинства исковых претензий – спасибо адвокату, тоже сильно поучаствовавшему в уменьшении количества моих сбережений, но малая часть иска и моя косвенная вина были доказаны. Меня не посадили. Но “презентовали” мне огромный счет по компенсации убытков, с соглашением на погашение в рассрочку. И квартира в залог...

Квартира.

Последнее, что у меня было своего – мамина квартира. Которую у меня кстати могут отобрать из-за долгов по коммуналке. Нет, я их погашаю, но... Тетрисом. В одном месяце долг за свет и воду, в другом – за отопление...

В аптеку я врываюсь взъерошенная. Провизор, уже выдавшая меня сегодня, таращится на меня круглыми от удивления глазами.

– Девушка, вы чего?

– Дайте еще один тест, – выдыхаю я, пытаюсь успокоиться и взять дыхание под контроль, – струйный. Покачественнее.

Аптекарьша смотрит на меня как на идиотку с неммым вопросом: “Тебе что, шести мало?”, – но воля клиента – закон. Я получаю запрошенное, с гордой надписью “Made in Germany”.

Интересно, реально в Германии, или в Китае по немецкому заказу? А ладно, плевать так-то. Ну не может же мне и седьмой тест наврать, да?

Семь – счастливое число!

Боже, пусть повезет, а! Я вру самой себе, что не строю никаких ожиданий, но я действительно надеюсь. Надеюсь!

Бегом бегу до пиццерии, ныряю в туалет. Коробочку распаковываю дрожащими ладошками. Внутри снова ходит хо-дуном абсолютно все.

На тест я боюсь смотреть, жмурюсь – взрослая циничная женщина, ага, состоявшаяся стерва – и отсчитываю положенные три минуты в уме. Про себя. Приоткрываю один глаз,

смотрю на дисплейчик теста.

“Беременна, 5+”

Да быть того не может!

Я четыре года пыталась забеременеть. Даже ЭКО пробовала. Была готова ехать к ведуньям и целительницам ради призрачной надежды. А тут одна случайная ночь и на тебе!

Господи, Ольшанский, ты снайпером что ли в армии был? Метко так попал. В самое яблочко!

Я выхожу из туалета, встряхивая руками, чтобы быстрее просохли от воды. Не глядя в меню, называю официантке нужную мне позицию – простая “Маргарита”, не люблю пиццу с выпендрежем. Ну, если быть до конца честной – не могу себе позволить тот выпендреж. Маргарита просто дешевле всех. А есть ужасно хочется.

Думать на голодный желудок – плохая затея.

Острый страх прошибает меня адреналином – а если что-то пойдет не так? Что если будет выкидыш? Я что, снова через это пройду? Снова пойму, что только что ненавистным своим телом угробила еще одну маленькую жизнь?

Так, стоп! Отставить панику! Завтра же рвану ко врачу. Сдам кучу анализов. Все, что потребуется. И даже больше – потребую, выбую, порву на лоскутки. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы сохранить при себе этот неожиданный подарок судьбы.

Вообще Нику правильно бы сообщить – в том, что именно он является автором моей беременности, у меня никаких

сомнений. Последние месяца три мне было не до мужчин, он был единственным.

Он вообще для меня был и остается единственным, но суть от этого не меняется.

Ему не нужна была я, а мой ребенок-то ему зачем?

Я три года по нему сохла, надеясь непонятно на что. Он – успешный, востребованный, обаятельный мужчина. Я не в его вкусе, это мне известно. Мы дружили. Долго. Пока я не совершила глупость, потеряв его доверие. Он занят!

И что мне ему сказать?

Эй, привет, помнишь меня? Да-да, меня, ту, что три года пыталась обратить на себя твое внимание. Ту, что пыталась за тебя воевать – неуспешно и бездарно. Да, да, это я! Та, которая наткнулась на тебя в баре тогда, когда решила наконец выбросить тебя из головы. Та, с которой ты решил взять и забыться. Та, от которой ты утром взял и ушел, обратно к своей будущей жене. Знаешь, у той ночи остались последствия. И мне нужны от тебя работа, деньги, связи и квартира в придачу? Так, что ли?

Бр-р-р! Бред!

Мне ведь все сказано. Та ночь была ошибкой...

Не то чтобы я обиделась. Я запомнила.

К тому же он ведь просил меня не мешать ему в личной жизни.

Просил? Просил. Я обещала, что не буду.

И не пойду к нему ни за алиментами, ни с требованием

исполняя его отцовские обязательства.

Самый максимум, что я могу ему сказать – спасибо. *Ни в коем случае не вслух!*

Я достаю тест из кармана, опускаю его перед собой на салфеточку. Обнимаю себя за плечи. Ощущаю, как по щекам бегут слезы. Счастливые слезы!

Господи, я ведь не верила. Не надеялась даже. Мне говорили, это невозможно. Невозможно!

– Ваш заказ, – нарушает мой покой официантка и ставит передо мной искомую пиццу. Косится на тест передо мной, так по-женски округляет глаза, – боже, вас можно поздравить?

Кто-то очень хочет получить сегодня чаевые? Я обычно экономлю, но сейчас я настолько рада, что готова вытащить из кошелька последнюю сотню на сегодня. Ради вот этого – улыбки радующегося за тебя человека.

– Поздравляйте, – киваю я. Мне на самом деле очень надо!

Ситуация у меня – полный швах, если быть до конца откровенной.

Работы – нет, сбережения на исходе, на шее – долг. Если и есть в жизни ситуация меньше всего подходящая для беременности – то вот она, у меня, кто хочет полюбоваться? Покажу за доплату. И даже разрешу покрутить в руках.

Вот только вариантов на самом деле нет. Никаких вопросов – что мне делать?

Я оставлю ребенка. Я слишком долго о нем мечтала. У

меня просто не будет второго такого чуда.

Понятия не имею, как я выкручусь из своей ситуации. Но я живучая, я все решу! У меня нет выбора, я должна. В конце концов, я не допущу, чтобы мой ребенок голодал или остался без крыши над головой.

Пришло время отчаянных мер!

3. Энджи

– Явилась-таки?

У моей тетки настолько ехидный и торжествующий вид, что сложно не начать параноить в эту же самую секунду.

Нет, она точно ни при чем в моих проблемах с трудоустройством.

Никто вообще не виноват, кроме меня самой.

– Здравствуйте, Ангелина Сергеевна, – я стараюсь, чтобы внутренняя моя обреченность не прорывалась наружу.

Последний раз я виделась с Ангелиной месяцев семь назад. Столкнулись на выходе из метро. И я бы сделала вид, что не заметила её, пролетела бы мимо, если бы тетка не ухватила меня за рукав куртки и не удержала на месте.

– Куда летишь, коза. Своих в упор не узнаешь?

Я порвала все контакты с родственниками отца после аварии. Не то чтобы я их винила, но... Но даже моя тетка была похожа на него слишком сильно.

И глядя на неё, я слишком четко вспоминала, сколько всего потеряла.

– Говорят, у тебя проблемы с работой, Анжела, – Ангелина уже тогда глядела на меня как на самую паршивую овцу в семействе Морозовых.

Проблемы – это было слабо сказано.

Я была менеджером по персоналу. Все практические навыки, что у меня были – были заточены под это. И увольнение по статье разом захлопнуло для меня двери большинства приличных компаний.

На последнем месте работы, в неплохой турфирме, я проработала три месяца. Только было расслабилась, что все, черная полоса начала тихонечко сереть, как на меня наговорили гадостей начальнику и уволили в самом конце испытательного срока. За конфликтность. Хотя я вообще вела себя тише воды, ниже травы.

Просто кое-кто очень опасался, что мой отчет по анализу трудовой деятельности дойдет до начальства. И кого-то уволят, за то, что он так много времени просиживает в интернете на рабочем месте.

– Что ж ты за помощью не обращаешься, – скрипела тетка, не отпуская мою руку, – пришла бы, повинилась бы, подумали бы, что можно сделать...

Я с трудом удержалась от вопроса: “Зачем?”

Подруга предала, друг – разочаровался во мне, карьера, на которую я строила большие планы, сделала мне ручкой, да еще и бесплодие...

С учетом долгов по иску я больше не могла позволить себе ЭКО.

Слишком дорогие комплексы процедур.

Я с трудом тогда поднимала себя с кровати. Только бесконечные собеседования и заставляли шагать дальше и как-

то жить.

Да и не хотела я ничьей помощи.

Да, Ангелина работала в службе занятости и была там аж руководителем подразделения. Да, у неё были связи. Много связей. Вот только Ангелина была из тех родственничков, что один раз помогут, после будут вспоминать пятнадцать лет, как они тебя выручили.

Мои проблемы – мне и решать. После хоть никому не остаешься обязанным по гроб жизни. Я искала работу сама. Мониторила электронные биржи, попутно подхватывая мелкие фриланс-заказы и на лету осваивая профессию таргетолога социальных сетей. Не то чтобы это было сложно, премудростей было немного, но с каждым месяцем это понимало все больше народу и денег становилось все меньше. А они и так были не особо большие, и соцпакета по всей этой красоте не полагалось.

Иногда мне так хотелось плюнуть на всю эту амбициозность, мечты о карьеры и пойти хоть куда-нибудь, хоть на свободную кассу в Макдак.

Вот только два момента – там меня тоже особо не ждали, да и платили там не столько, чтобы я вытянула нормальную жизнь и выплату по иску.

Да и сейчас я могу эту работу просто не вытянуть.

Так что...

Нужно признать – положение отчаянное. В честь этой капитуляции я принесла с собой тортик. И даже улыбаюсь, как

провинившаяся девчонка.

– На вас последняя надежда, тетя Ангелина.

Я будто слышу, как в боковом кармашке моей сумочки трепыхается тоненькая белая полосочка с двумя полосками, которую я с недавних пор ношу с собой как талисман.

Ради тебя, мое солнце, я пойду на что угодно. Прикопаю гордость поглубже, задолжаю родственнице. Только появись на свет живым. Пожалуйста!

От тортика Ангелина, разумеется, не отказывается. Наливает чай и мне и себе, даже находит блюдечки для торта. Правда в какой-то момент я все-таки ловлю теткин, то ли недовольный, то ли подозрительный взгляд. Видимо, это потому, что свой кусочек я ковыряю ложечкой без всякого вдохновения.

Кокос. Зачем я купила торт с кокосовой стружкой?

С другой стороны, я никогда раньше не замечала, что этот запах настолько навязчивый. Буквально влезал мне в ноздри и заставлял к горлу подкатиться тошноту.

– Ты здорова ли, Анжела? – тетка прищурилась на меня так, будто в прицел разглядывала. – Бледная какая-то...

– Съела что-то не то вчера, – вру абсолютно без задней мысли. Нет, тетка о моей проблеме в курсе, разумеется. И конечно, рано или поздно узнает.

Но нужно оно мне все это сейчас...

Да зачем тебе ребенок, да как же ты с ним справишься, с твоими-то проблемами...

Тетка Ангелина – убежденная чайлдфри. Трех мужей сменила, у последнего даже внучку воспитывает, но сама рожать не хотела, и не жалеет о том сейчас.

Просто женщина-инопланетянин лично для меня. Я лично замуж никогда не стремилась. За исключением трех лет Нико-помешательства. Вот там, конечно, мечталось. Чтоб как в сказочной сказке, домик с белым штакетником, старшая – девочка, младший – сынишка, и лабрадор...

Наверное, такое помешательство должно рано или поздно случиться даже с самой циничной стервочкой, вроде меня.

Тетя Ангелина возится с бумагами, щелкает мышкой, что-то раскапывая в компьютере. Вид у неё при этом такой, будто она мне жизнь спасает.

Не только мне, если так уж призадуматься...

– Хотелось бы работу, близкую к моему профилю, – тихо-нечко озвучиваю я, четко понимая, что это вообще-то звучит как каприз. Ну, все-таки необязательная галочка, но я не вытяну сейчас работу, связанную с физической нагрузкой.

Тетка зыркает на меня критично, но снисходительно кивает. Хорошо, мол, поищем.

Чай в чашке кончается.

Мне кажется, проходит вечность, прежде чем Ангелина с чем-то определяется и тянется к телефону.

– Захар Михайлович? Здравствуйте, здравствуйте, Морозова беспокоит. Вы еще не закрыли вакансию менеджера?

Вдох-выдох...

Я жмурюсь, пытаюсь унять нервную дрожь.

Неужели все-таки получится?

Я, если честно, была уверена, что моей репутации не поможет и устройство “по знакомству”.

Но тетя так старается... Столько красноречия пустила на охмурение своего собеседника... Просто ох!

И конечно, сразу объясняет, что работничек к нему придет с изъяном.

Ну что вы, что вы, там вообще случайно все случилось. Разумеется, она больше так не будет! Анжелочка у нас очень ответственная и трудолюбивая девочка. И ей очень-очень нужна работа...

Сложно оказываться в такой ситуации, когда ты зависишь от кого-то. Даже сейчас чувствую себя неприятно, но я отдаю себе отчет – сама не выруливаю. С гордостью я разобралась еще вчера, когда прикидывала примерную стратегию ближайших действий. Терпим и ждем.

Тетя с выражением лица совершившего подвиг человека вешает трубку и милостиво смотрит на меня.

– Послезавтра, после обеда тебя готов принять Захар Вяземский, – гордо сообщает она.

Честно говоря, мне ни о чем не говорит эта фамилия. Но и ладно. Тем лучше. Будь он известен – тогда можно было бы сразу ставить на нем крест, известные бизнесмены ищут себе абсолютно безупречных работников.

– Он меня возьмет? – честно говоря, я чувствую себя

ужасно неуверенно в эту секунду.

Столько неудач было за этот год. Столько отказов, быстрых увольнений...

Поверить в то, что мои проблемы решатся сейчас довольно сложно.

– Он мой старый знакомый, – улыбается Ангелина, – я подкидываю ему хороших сотрудников, он частенько ко мне обращается. Так что и тебя выручит. Под мое поручительство, конечно. Я же тебе говорила, давно надо было ко мне идти! Пару лет у него отработаешь, отмоешь свое имя, вот тогда и можно будет покапризничать и поискать что-то поинтереснее. Только нужно будет пройти собеседование, но это формальность, Захар Михайлович возьмет тебя и так. Просто оценит твою компетентность.

Ладно. Я и не рассчитывала ни на что иное. Если человек хоть сколько-нибудь понимает в бизнесе – он не возьмет кого попало, хоть примерно не прикинув, насколько человек безнадёжен.

Я, в конце концов, себя знаю.

И если уж в Рафарме я частенько получала премии как “работник месяца”, то и в фирме помельче тоже справлюсь. Я въедливая, я раздражаю тех, чью работу я изучаю и реорганизую, но начальству нужны такие стервы. Всегда нужны.

– Вы меня просто спасаете, тетя Ангелина, – говорю абсолютно искренне. Тетка отмахивается, но видно, что она ужасно горда собой.

– Анжелочка... – Она окликает меня, когда я уже собираюсь на выход, – есть у меня один вопрос. Может, и ты меня выручишь по-родственному?

– Что-то случилось? – я удивленно поднимаю брови.

Не то чтобы я не ожидала этого вопроса. Очень даже ожидала. Тетя Ангелина точно не из тех, кто помогает просто так и не оставляет за собой права на ответную услугу. Правда я ожидала, что моя помощь потребуется ей не сейчас.

– Мы с Иваном Александровичем сейчас меняем паркет в моей квартире, – тетка этим практически хвастается, – только на время ремонта мы решили разъехаться. Он уезжает к маме, а я... У тебя ведь трехкомнатная квартира от мамы осталась?

– Да.

Примерный вектор мысли я уже поняла.

– Пустишь меня к себе пожить на пару месяцев? Меня и Риччи.

Риччи – теткин маленький шпиц. Визгливое, нервное создание. Я вообще-то терпеть не могу собак, да и нарушений личного пространства тоже, но...

Отказ сейчас, после того, как она мне помогла, будет смотреться совершенно некрасиво.

– Я, разумеется, помогу тебе с оплатой счетов за время, что у тебя проживу, – тут же добавляет Ангелина.

– Конечно, я вас выручу, тетя, – я киваю, мысленно пожимая плечами, – мы можем созвониться вечером и обсудить

детали.

В конце концов, два месяца в компании папиной сестры я как-нибудь переживу.

Свет в конце тоннеля все-таки есть!

Из биржи я вылетаю с распечаткой адреса, по которому мне предстоит идти на собеседование.

Хорошо, что Вяземский ждет меня только послезавтра.

Завтра я вообще-то записалась к гинекологу. Вот где самое страшное-то!

До сих пор боюсь, что тесты ошиблись...

4. Эндж

и

– Ну и что у нас тут?

Датчик УЗИ скользит по моему животу, размазывая по нему прохладный липкий гель. Врач, Денис Алексеевич, задумчиво вглядывается в черноту на мониторе.

Я разрываюсь между желанием зажмурить глаза и взглянуться в дисплей вместе с доктором. Я тоже, тоже хочу увидеть...

И боюсь.

Я с трудом сегодня ночью заставила себя уснуть. Лазала по интернету, читала про риски на ранних сроках, разумеется, находила у себя все признаки абсолютно всех патологий.

Даже пересмотрела все свои тесты, сравнивая яркость обеих полосок. *При внематочной беременности одна полоска может быть бледнее, чем вторая...*

Господи, только бы все оказалось хорошо.

Только бы мне не показалось...

– Все нормально? – покашливаю я, не выдерживая тишины. – Тесты не ошиблись?

– По статистике, тест на беременность может показать ложноположительный результат в одном проценте случаев, – откликается врач задумчиво, – а вы сколько их сделали, как вы говорите?

– Семь, – я оскорбляюсь до глубины души, – я не просто говорю, я их и предъявить могу.

– Не нужно, – Денис Алексеевич дергает уголок рта, тихонько посмеиваясь, – я все вижу. Плодное яйцо, сорок шесть миллиметров в диаметре. Девять акушерских недель срока. Беременность маточная. На учет вставать будем, госпожа Морозова? – врач поворачивается ко мне, убирая датчик с моего живота.

– А что, в этом вопросе предоставляется выбор? – я не удерживаюсь от смешка.

– Ну, если вы вдруг решите прервать беременность... – Денис Алексеевич мрачнеет, красноречиво обрывая фразу на полуслове.

– Ни в коем случае!

Я вижу, как удивленно взлетают его брови.

– Вас удивляет моя категоричность? – не удерживаюсь от вопроса. – Неужели столь многие сомневаются?

– Да нет, почему же, – врач протягивает мне салфетку,

чтоб я стерла остатки геля, — конечно, сомневающих хватает. И с каждой приходится разговаривать, потому что прерывание беременности может аукнуться слишком большим количеством последствий, и это не то, что можно исправить или вернуть назад. Отрадно видеть женщину, которая точно знает, чего хочет. Это ваше совместное с мужем решение? Он точно не будет источником давления в этом вопросе?

— О нет, — я покачиваю головой, не удерживаясь от невестелой улыбки, — я не замужем. Живу одна. Отношений нет. Давить тут будет скорее отсутствие работы, но я занимаюсь этим вопросом.

Медсестра, все это время критично заполняющая бланки направлений на анализы, критично поджимает губы. Укоризна в её выражении лица читается даже слишком просто.

О, это еще одна сторонница секты «Понарожают тут, а потом жалуются?».

— Не ваше дело, — шепчу про себя.

Лично я никому жаловаться не собираюсь. Все мое — и проблемы, и счастье тоже.

Денис Алексеевич воздерживается от комментариев, задумчиво хмыкает, вытягивая из ящика стола тоненькую книжечку с пузиком на обложке.

Личная диспансерная книжка беременной.

А можно её потом оставить себе как артефакт?

И на стеночку, и под стекло...

Я так долго этого ждала, что готова оставить на память

даже талон из регистратуры, с гордо пропечатанной надписью «Постановка на учет при беременности».

Знала, что его заберут, поэтому тайком щелкнула на телефон перед заходом в кабинет. Чувствую себя слегка жуликоватой особой.

И все же все в норме. Меня взвешивают, меряют давление, расспрашивают о всяких хронических семейных болячках и про предыдущие беременности.

Последний рассказ дается мне нелегко. Даже пара слезинок продирается из меня наружу. Я привыкла к этой боли, уже давно. Отчасти Димка был прав. Я так и осталась в сплюсненной консервной банке отцовской Лады. Маленькая часть меня. Большая часть все-таки пытается жить дальше.

Врач кивает – он явно уже заметил след от операционного шрама на животе, медсестричка начинает источать сочувствие – кажется, и ее прошибло.

Что ж, зато не будет вопросов, зачем мне, безработной и незамужней эта беременность.

– Увидимся через десять дней, госпожа Морозова, – напутствует меня врач перед выходом из кабинета, выдав мне целую кучу бланков на анализы «на дорожку», – сделаем УЗИ еще раз. Как раз будет время для скрининга.

С внутренней дрожью оказывается справиться удивительно сложно. Как и уже со счастливыми слезинками в уголках глаз.

Ладонь сама прижимается к животу.

С ума сойти. Во мне поселилась маленькая частичка Ника. Росточек будущей новой жизни. Мое маленькое счастье, на память о моей дурацкой любви в одни ворота. Роскошный подарок от судьбы, чем таким я его заслужила?

Проглядываю бланки анализов.

Если тетя Ангелина права, и Вяземский меня возьмет, хотелось бы как-то минимизировать побег по врачам в первое время. Спасает, конечно, что сейчас есть и вечерние приемы, но с ними же не всегда везет. Что я могу сделать сейчас?

Окулист, стоматолог, эндокринолог... Так, с этими ясно, запишусь, буду проходить в порядке подходящей очереди.

Как бы я ни любила частную медицину с её небольшими очередями, но денег на неё у меня сейчас нет. Не хочется рисковать и пускать в ход неприкосновенный запас, в конце концов, это денежная закладка на прокорм. И витамины! Так что обходимся доступными бесплатными врачами по полису ОМС.

Так, а вот анализ крови, сдавать натошак в местной же лаборатории... Отлично, я как раз сегодня не завтракала и одиннадцати еще нет. Надеюсь, очереди нету?

Есть. Небольшая.

Две девушки, одна из которых характерно беременная, практически сразу при моем появлении скрывается за дверью лаборатории. А вторая...

Эх. Еще одна из тех, кому налили женской магии сверх нормы. Мягкая, приятная... Всегда немного завидую таким

женщинам. Хотя, разумеется, не стоит.

– Привет, – девушка улыбается мне весьма доброжелательно, – ты за мной будешь.

– Хорошо, – я киваю, присаживаясь через сиденье, продолжая разбираться со своими бланками.

– Ты по беременности, да? – бывают вот такие соседи по очереди. Неумные до гиперактивности и болтливые. Умные люди отгораживаются от таких наушниками, сразу проводя черту, что болтать не намерены. А я...

– Да... – тихонько морщусь, прикидывая объем времени, который похороню в обследованиях, – ужасно боюсь что, что-то пойдет не так. А ты?

– Я... Нет, – по лицу моей собеседницы пробегает тень, – у меня, видишь ли... Не получается. Не понимаю, в чем дело. Полгода на витаминах, без противозачаточных, и никак. У меня уже жених на фертильность проверился, все у него в порядке. Сейчас вот сама... Даже не представляешь, как психую.

– Ну почему не представляю, – невесело улыбаюсь я неожиданной сестре по несчастью, – я с похожей проблемой четыре года воевала. Мне врачи сказали, что если и получится, то только чудом. И вот... Чудо! Девять недель, – покачиваю в ладони книжку с пузиком на обложке, – до сих пор не верится.

– Потрясающе, – девушка округляет глаза, обдавая меня вполне искренним теплом, – слушай, а поддержи меня за ми-

зинец на удачу. Я тоже хочу чудо!

Я смеюсь, но протягиваю ей правую руку с оттопыренным мизинцем.

Какие же мы женщины... Суеверные. Так вот я боюсь говорить близким о беременности. Тех близких немного, но... Даже им страшно. *А вдруг сглазят?*

Взрослая женщина двадцать первого века, ага!

Отменила запись к парикмахеру, потому что плохая примета – стричься беременной.

Держусь за мизинцы с малознакомой девчонкой, желая ей тоже волшебства и чуда, стучащего тебе пяткой изнутри. Пусть. Мне не жалко! Хорошие чудеса не могут исчерпаться.

– Меня кстати Юля зовут, – перед тем как пройти в лабораторию, представляется девушка, – может быть, еще увидимся?

– Может быть, – я тоже улыбаюсь, про себя думая, что все-таки навряд ли.

...Что ж. Все могут ошибаться. Ошиблась и я.

На собеседование к Вяземскому я собираюсь как в первый раз. Меня сложно назвать склонной к экспериментам, я – лютый консерватор по природе. Поэтому – ничего на свете нету лучше черного строгого костюма и идеально белой, безупречно отутюженной блузки.

Я навела справки – Вяземский владеет небольшой сетью супермаркетов. Не конкурент крупным мастодонтам вроде

того же “Магнита”, но успешно выживает на их фоне, делая акцент на качестве и тщательном отборе продукции.

Поэтому – никаких лишних аксессуаров, из дани собственной женственности я оставляю только сережки-гвоздики в ушах.

Верчусь перед зеркалом, крайне довольная собой.

Люблю классический стиль, как ни крути. Он делает меня строже, подтянутей, острее. Так я из типажа “мышь серая” простым переодеванием превращаюсь в “грозу офисных лоботрясов”.

Замираю перед зеркалом я всего лишь на секунду. Повернувшись боком. Живот пока плоский, как бок у камбалы, но я нарочно расслабляю и даже выпячиваю его.

Интересно ведь, хотя бы представить, как оно будет...

Честно говоря – уже не терпится это увидеть. Ощутить. Полюбоваться.

Мне кажется – я самая укуренная беременная на свете. Хотя, возможно, это кажется абсолютно любой беременной...

Крис, моя “подружка”, которой я очень долгое время смотрела в рот, рожать боялась.

Ну как же можно, растяжки же останутся. И грудь... Грудь обвиснет! И не дай бог вес наберу!

Не знаю, как по мне, это очень маленькая плата за дар маленькой жизни, которой ты положила начало. Я снова и снова сверлю взглядом свой пупок, ощущая в животе неясное

слабое тепло.

Ох, мой маленький, мне кажется, я залюблю тебя до потери пульса. Или ты у меня будешь маленькая? Вот бы узнать поскорее!

Так, ладно, еще немного – и я опоздаю. Ну точнее – не приду раньше. Есть такая волшебная привычка у деловых людей: ты либо пришел раньше, либо ты опоздал.

Я прихожу раньше. На семь минут всего, но все-таки. Офис у Вяземского имеется, небольшой, тесноватый, но я и не собираюсь морщить нос. Лишь бы зарплата была хорошая.

– Подождите, – надменно роняет мне секретарша. Неожиданно – зрелая тетка, возраста близкого к пенсионному. Я, насмотревшись на престижных смазливых газелей, которых набирали в секретарши будто с подиума, нечаянно рву себе шаблон.

Ну и пусть. Может, этот мужик хочет выходить в свою приемную и думать о работе. Это ж хорошо. Сколько некомпетентных секретарей мне попадалось – ужас просто. Ну то есть за собой они следили. А осознавать, что у них помимо этого есть еще какие-то другие рабочие обязательства кроме “быть красивой” – у многих просто не получалось. Все содержимое головы было занято шеллаками и ботоксом.

Так было не везде, конечно. Но, частенько.

Сижу и кусаю губы. Вообще-то волноваться мне нельзя, да. Но я пока не представляю, как мне с этим бороться. Хоть

мятный чаечек бери в рацион хотя бы на период испытательного срока.

Поглядываю по сторонам – напротив приемной как раз стоит нараспашку кабинет заведующей складом. В дверях этого самого кабинета стоит мужик в спецовке рабочего и вдохновенно точит лясы на совершенно нерабочие темы с этой самой заведующей складом. Та вдохновенно хихикает, на весь коридор слышно.

Мда, навести порядок в этой отаре будет непросто.

А руки-то уже чешутся.

Из кабинета Вяземского выходит женщина, прижимающая к груди объемную пачку бумаг. На меня она смотрит как-то странно, со смесью жалости и оценивания.

– Новенькая? – вопрос адресуется не мне, а тетке за столом секретаря.

– На собеседование, – пожимает плечами та, и у спросившей в улыбочке проступает что-то нехорошее.

– Ну-ну, – роняет она ехидно и ничего не говоря уходит из приемной. И что это сейчас было?

Нет, я была на многих собеседованиях, проходила разные типы стресс-тестов, но это – вообще ни на что не похоже.

– Проходите, – тем временем озвучивает секретарша, успевшая обо мне должить, – Захар Михайлович вас ждет.

Ну, ни пуха ни пера, что ли!

Первое правило соискателя на новом рабочем месте – ра-

ботодатель не должен тебе нравиться. Я имею в виду внешность, разумеется. Как только ты начинаешь думать о том, какие теплые у твоего будущего босса глаза – вот тут-то ты и пропала со всеми потрохами.

Ты. Пришла. За. Работой!

И ни за чем больше.

Я никогда не беспокоилась по этому поводу. Не беспокоюсь и сейчас. Я не такой человек, который два раза наступит на одни и те же грабли. Три года проходила по уши влюбленная в того, чьей правой рукой была. Хватит.

Вяземский даже близко не привлекателен как мужчина. Обычный мужик, обычный бизнесмен, невысокий, коренастый, с брюшком и высокими залысинками. Обручальное кольцо на пальце отсутствует. Не женат или не носит?

Глаза только неприятные. Холодные, взвешивающие и обесценивающие.

Я прохожу в кабинет, ожидая разрешения присесть, останавливаюсь.

Эти вот самые глаза проходятся по мне от носков туфель с невысоким каблуком и до кончиков отросших волос, спускающихся уже ниже плеч.

А потом Вяземский улыбается. Широко так, явно желая сгладить повисшую неловкость.

Только я этой улыбке почему-то не верю.

– Присаживайся, Анжелочка.

Фамильярное обращение при весьма поверхностном зна-

комстве – плохой звоночек. Выдает проблемы с пониманием делового этикета.

Но я не в том положении, чтоб капризничать. Знала, что не к президенту пришла.

– Блестящее резюме, – Вяземский говорит это равнодушно, абсолютно не пытаясь сгладить имеющееся напряжение, – расскажи о себе.

Это действительно напоминает формальность и меня немного попускает. Я рассказываю. Про Рафарм и работу в нем, про стажировки до него, про свои таланты разрешать конфликты...

– Но все-таки тебя уволили, – он будто напоминает мне мое место. Что ж... Стресс-собеседования я тоже проходила. А это даже в половину не настолько возмутительное интервью, какие могут быть.

– Всем свойственно делать ошибки, – улыбаюсь как можно непринужденнее, – я была наказана за свою и делаю выводы.

– Такие, что даже согласишься на зарплату в три раза меньше предыдущей? – поддевает Захар Михайлович. По всей видимости, он навел справки и об этом.

Абсолютно не академическое собеседование. Разговоры о деньгах нельзя ни в коем случае вести в таком унижительном ключе. Гордый специалист задрал бы подбородок, начал доказывать, что он стоит гораздо дороже, что вот у него здесь рекомендации, там можно получить отзыв с места работы, и

вообще...

Но это не моя роль.

Я развожу руками.

Да. Соглашусь. Все лучше, чем смешное пособие от службы занятости.

Возможно, я согласилась бы и на меньшие деньги, но об этом я вслух не скажу. Не лохушка же.

– Мне очень нужна работа, – чистосердечное признание еще никому не мешало, – после увольнения по статье снова устроиться довольно сложно. Я свои жизненные уроки вынесла. Приложу все усилия, чтобы оправдать ваши ожидания, Захар Михайлович, и повысить эффективность работы ваших сотрудников.

– Ну, это если я тебя все-таки возьму, – критично роняет Вяземский, снова окидывая меня изучающим взглядом, – я лично пока не уверен, что мне стоит это делать. Я, конечно, обещал помочь, а репутация-то у тебя сомнительная, Анжелочка. У меня тоже есть тайны и я тоже не хочу ими рисковать.

Да. Я знаю. Потому даже при клятвенном теткинском убеждении, что Вяземский ей не откажет, я все равно сомневалась, что выгорит. Но все же, он еще не указал мне на дверь, не так ли?

– Я могу вас как-то убедить в том, что сделаю все, чтобы вас не разочаровать?

Я получаю еще один холодный взгляд. Изучающий. Испы-

тывающий.

Нет?

– Можешь, – наконец вальяжно ухмыляется Вяземский, слегка отодвигаясь от своего стола, – вставай на колени и начинай меня убеждать.

Меня бросает в жар. Мне померещился этот похабный намек или нет?..

– Это какая-то проверка? – уточняю на всякий случай. Кто его знает, может, это какой-то дебильный пункт стресс-интервью. Посмотреть, как кандидат реагирует на проблемы уровня “полный трэш”. Мне же предстоит работать с его людьми, с мужчинами в том числе...

– Разумеется, проверка, – усмешка Вяземского становится только шире, – проверка твоих умений, Анжелочка. Или ты своим языком только болтать умеешь?

Нет.

Мне ничего не показалось!

Давненько я не видела, чтобы домогаться пытались прямо на собеседовании. Да еще и вот так, в лоб. А ведь сотрудницы-то, судя по всему, в курсе. Интересно, он со всеми так, или только с теми, кто младше тридцати?

– Ты испытываешь мое терпение, девочка, – недовольно роняет Вяземский, – тебе и вправду нужна эта работа?

Хороший вопрос. Животрепещущий, я бы сказала...

5. Энджи

Нет, надо было выйти молча, наверное...

Гордость и независимость наше все, но...

Извините, сдали нервы.

Посыл господину Вяземскому я завернула большой и длинный. От души.

Такой, что он даже вызвал охрану, чтоб меня проводить.

Такой, что пять минут спустя, когда я в глубокой прострации стекаю на какую-то лавочку в каком-то дворе, мне звонит тетка.

– Ты что устроила, Анжела! – Ангелина пребывает в священном ужасе. – Ты не в том положении, чтобы что-то из себя строить. Да ты еще и скандал устроила! Такому человеку!

– Он до меня домогался, – бесцветно комментирую я, – прости, Ангелина, но я лучше полы мыть пойду, чем займу место под столом у босса.

Про полы это я конечно экспрессирую...

Ни беременность, ни последствия аварии мне активной физической нагрузки не позволяют. Я даже на пилатес ходила аккуратный. На индивидуальные занятия, подобранные специально под меня.

Но сейчас безысходность настолько сильно рвется из меня, что того и гляди – раздерет грудную клетку.

– Может, ты что-то не так поняла? – тетя явно не ожидала

такого контраргумента. И голос у неё растерянный.

Ага, не так поняла, не то надела, вела себя не так...

Не мудрствуя лукаво я цитирую ей Вяземского, благо память у меня хорошая.

Тетка молчит и шумно дышит. С этой стороной своего знакомого она явно не была знакома.

– Ты много кого к нему отправляла, говоришь? – уточняю я, пытаюсь унять начинающуюся паническую атаку. – И многие из них были женщинами? У меня было ощущение, что работающие там тетки точно в курсе происходящего. Смотрели на меня так, будто я девочка по вызову.

– Я отправляла к нему четырех водителей и секретаря, – задумчиво комментирует Ангелина, – он специально просил даму в возрасте, чтобы умела вести делопроизводство.

Ну, то есть некоторым должностям у Вяземского полагаются “трудовые поблажки”?

– Может, тебе стоит подумать, Анжела? – неловко покашливает тетя, – вдруг ты ему понравилась? Мужик он неженатый... С деньгами...

– Вы ведь несерьезно? – я сама слышу, как сатанеет мой голос. – Я работу ищу, а не содержателя.

– Содержателя было бы проще, – тихо-тихо вздыхает тетка, а потом переключается уже на привычный мне деловитый тон, – хорошо, дорогая, я тебя поняла. Poiщу еще варианты. Есть у меня одна приятельница, она недавно искала секретаря, сейчас я ей позвоню, уточню, не закрыта ли эта

вакансия. Жди.

А куда я, блин, денусь?

Опускаю телефон на колено, запрокидываю голову, стараюсь игнорировать жгущие кожу слезы.

Вот ведь.

Вляпалась.

Самое паршивое, что к такому вот дерьму можно нечаянно и привыкнуть.

Я привыкла к другому классу работодателей, к тем, которые понимают ценность своих работников, к тем, с которыми лестно говорить на равных и обсуждать рабочие вопросы. Те, которые почитают субординацию похлеще библии.

Вот только я больше не на их поле.

Ладонь касается живота. За последние несколько дней это стало почти что дурной привычкой. А что поделать — одна только мысль об ожидающем меня будущем заставляет меня выпрямиться, стереть с щек остатки влаги и ощутить желание жить снова.

К черту.

Не буду я расстраиваться из-за одного озабоченного мудака. Мне нельзя вообще-то!

Свет клином не сошелся на Вяземском и его работе.

Хотя в чем-то Ангелина и была права.

Вопрос трудоустройства, мягко говоря, стал каким-то нерешаемым.

Я — специалист. Я отличный специалист. Я это знаю. Ни-

кому нафиг не нужный специалист – вот в чем правда-матка!

Ну где она там? Не звонит еще? Мне пора заказывать панихиду всем моим надеждам на трудоустройство?

Включая телефон, я нечаянно задеваю иконку мессенджера в углу экрана. Несколько месяцев ими не пользуюсь – бывшие коллеги по работе со мной общаться не горят желанием, подруги той же Крис, дружившие со мной “из благотворительности”, тоже быстро отвалились, да и черт с ними, а тот единственный, с кем я бы действительно хотела пообщаться – не напишет мне первым. Или...

Я ошалело уставляюсь на экран телефона, пытаюсь поверить в то, что вижу.

Зеленая циферка “один” у диалога с Ником. У старого, замороженного, старательно вытесненного в самый низ контакт-листа, просто для того чтобы не берeditь мне душу.

“Как у тебя дела, Эндж?”

Отправлено сегодня утром...

Можно ли тремя словами выпустить из человека всю кровь?

Можно, если после долгих месяцев молчания вдруг пишет тот, кому ты позволила унести свое сердце с собой.

И сразу в душе чертов вихрь – надежда, бессмысленная и беспощадная, и боль, тяжелая и почти невыносимая.

Зачем ты пишешь, Ник? Зачем ты пишешь мне? Еще и сейчас? Мы виделись полтора месяца назад, в баре, и когда

я приземлилась напротив тебя – не сказать, что ты очень уж мне обрадовался.

Это потом мы разговорились на общие темы – у нас это всегда получалось слишком просто. И я смеялась, долго и много... С тобой мне и пальчика показывать не надо было...

Но после ты ушел, и от тебя не было вестей одну гребаную вечность. Ты был там с ней, со своей гребаной принцессой, целовал её, самообманывался в ней. И пишешь мне сейчас...

“Все окей”

Ну вот.

Я не оставила сообщение без ответа и ничего толком не сказала. И закрыть к черту мессенджер, а лучше и вовсе его удалить, от греха подальше, чтобы даже не искушаться заглядывать.

Просто не хочу большие боли. Устала.

ефон в ладони взрывается вибрацией. Входящий. Я смахиваю зеленую трубку в сторону, принимая звонок инстинктивно, и только потом выдаю запоздалое ругательство.

Звонит не Ангелина...

Зря-зря-зря я ему вообще написала. Надо было просто оставить вопрос без ответа.

– Ты настолько не рада меня слышать? – динамика телефона хватает, чтобы я услышала спокойный голос Ника – он услышал мое фигуристое выражение.

Черт.

Десять тысяч чертей.

Ладно. Позади горят фронты, отступить мне некуда.

– Просто уронила телефон, – я говорю максимально бесстрастно, – Ник, я сейчас жду звонка. Ты не мог бы...

– Все окей? – на фоне его голоса слышится шум мотора. Он явно куда-то едет. – Более бессмысленного и ни на что не годного ответа я от тебя в жизни не получал, Эндж.

Я слышу в его голосе легкую насмешку, и у меня от неё перехватывает дыхание. Боль, горечь – кто прислал этот дивный коктейль за мой столик. Он такой обыденный...

Как будто и не было ничего. Ну точно не было. Ошибка – была, ошибка – не считается.

Нужно завязывать с этим разговором скорее. Иначе у меня в жилах кровь закончится.

– У меня все просто волшебнo, – раздраженно огрызаюсь я, – лучше всех. Тебе нужно еще больше конкретики?

– То есть моя информация, что ты по-прежнему сидишь без работы, не верна?

Кон остается за Ольшанским. Мне тут крыть нечем.

– Это ты у Козыря спрашивал? – эту болезненную улыбку я посвящаю своему бывшему работодателю.

Никогда не переходите дорогу хозяевам крупных корпораций. Никогда! Этот урок никогда в жизни не нужно получать самой!

Он-то уже давно вперед катится, наверняка в плане по захвату мира процентов на пять продвинулся, а я – даже на ноги встать не могу.

Ник ушел сам. Без волчьего билета. И с Козырем они при-
являются. Поэтому понятно – "откуда дровишки".

– Навел справки, – невозмутимо откликается Ник с той стороны трубки, – так что, Эндж, информация устарела?

– Допустим, нет, – я стискиваю смартфон еще сильнее, – чего ты хотел? Еще раз прочитать мне нотацию, когда и как я поступила неправильно? Можешь не тратить зря своего времени, тебе наверняка есть *кем* заняться.

– Вообще-то я *хочу* предложить тебе работу, Эндж, – парирует Ник, будто и не замечая моей слишком очевидной агрессии.

Кон остается за ним. Такого ответа я не ожидала.

– Ты? Мне? Работу?

Три слова в одном предложении смотрятся странно.

Я ведь помню тот разнос, который он мне устроил после первой же пакости Вике.

Да, не он меня уволил. И его докладная, написанная про тот случай, так и не была подана, хотя он мне ей угрожал. Уволил меня директор концерна, лично, но Ник ведь был в курсе...

– Мне нужен эффективный управленец, – он даже не обращает внимания на мое недоумение, – так вышло, что эффективнее тебя я никого не знаю. А то, чем я сейчас занимаюсь... Там беда с дисциплиной персонала.

– Нужна гарпия с секундомером? – скептически уточняю

я как-то больше по инерции.

— Скорее горгона с огненным хлыстом, — Ник говорит это с таким искренним недовольством, что мне невольно хочется зажмуриться. Как давно мы не говорили вот так.

Пожалуй, после того разноса и не говорили...

Я не желала оправдываться — да и зачем? Он был глубоко в Вике, по уши увлечен, на кой ему были нужны мои признания?

— И где мне предстоит работать?

Надо бы отказаться. По уму! Вот только...

Я знаю его как начальника. Спокойный, адекватный, выставляющий работу превыше других проблем. Отлично умеющий вдохновлять и выжимать из своих подчиненных максимум. Этот мужчина не будет требовать от меня ничего унижительного.

— Конный клуб “Артеми́с”, за городом. Помнишь?

Помню ли я? Помню ли я любимый клуб Ника, в котором мы провели не одни выходные? Гоняли по полям и буеракам, а по вечерам играли в го, развалившись на ковре в гостиной? Мы даже домик на двоих снимали, потому что так было дешевле, а друг с другом мы чувствовали себя очень комфортно.

Увы, только поэтому.

Помнится, первый раз, когда он это предложил, я очень надеялась, что это что-то значит. Что что-то между нами произойдет, мы сдвинемся с мертвой точки глубокой френ-

дзоны, но... Ужин так и остался ужином. Спали отдельно. И потом тоже...

– Как тебя туда занесло вообще? Как же языки, карьера? Разве к тебе не подкатывали с предложением из дипломатического корпуса?

Ведь серьезно, подкатывали!

Я ведь помню.

И Ник всерьез задумывался о возвращении к должности атташе, а там возможно и кого повыше...

– Ну вот так, – он отрезает спокойно, – “Артеми́с” сменил владельца, тот решил сменить директора. Мне понравилась эта вакансия, владельцу клуба – мои рекомендации. У тебя есть еще вопросы?

– Конечно. Вопросы зарплаты, бонусов и соцпакета...

Зарплату он озвучивает хорошую. Не такую жирную, какая была у меня в Рафарме, но сейчас для меня такая сумма звучит как непристойно роскошное предложение. Я таких цифр давно не слышала. Да еще и от того, кто точно знает, что у меня все плохо с репутацией, и не вышвырнет меня на улицу из-за фигни.

– Ты пришлешь мне оффер? Я бы подумала хотя бы до вечера.

Кто его знает, может, Ангелина отыщет для меня что-то более крутое! Хотя вряд ли.

– Один момент, Эндж, – голос Ника ощутимо холодеет, устанавливая дистанцию между нами, – я хочу, чтобы ты по-

нимала. Предлагая тебе это место, я оказываю тебе услугу. Ты стала жертвой чужого влияния, да и я... Обошелся с тобой неважно.

Вот тебе, Анжелочка, приложись об жесткий асфальт реальности.

Думала, он решил выручить тебя по старой дружбе? Дать тебе как классному спецу шанс?

Нет, это совесть больная у Николая Андреевича шевелится. Все-таки не привык он “поматросить и бросить”.

– Договаривай, Ник, – я произношу это на выдохе, заталивая поглубже в душу поднявшееся цунами оскорбленного самолюбия.

Оскорбленное самолюбие мне витамины не купит.

– Моя невеста работает в этом же клубе, – самым бесцветным голосом из всех возможных, – и если ты снова будешь вести себя непрофессионально и позволишь себе вмешаться в мою личную жизнь... Я тебе больше руки не подам, Эндж. И никому не посоветую.

Вдох-выдох...

Вдох-выдох...

Метко, Ник, метко. Страйк. Копье в мишень, мишень в кровищу. Мишень – это я, да, вы угадали!

Как будто мне было мало, быть его ошибкой.

Скажи по-другому, Ник. Спроси!

Готова ли я видеть, как ты гуляешь со своей принцессой за ручку и лобызаешь её в щечку, думать, как ты затаскиваешь

её в постель, стягиваешь с неё платье...

Шепчешь ли ты её имя по ночам? Не сбиваешься ли на то, другое, как в одну единственную ночь со мной?

Нет, конечно, я к этому не готова. Но какой у меня выбор?
“Дорогая, просто затолкай себе свою любовь в... самый темный угол под кровать. И на работу не приноси”.

Хорошая идея. Так и сделаю. Я себя, в конце концов, не на помойке нашла.

– Не смешите, *Николай Андреевич*, – усмехаюсь ядовито, впиваясь взглядом в такую твердую голубую синь, – Мне действительно кровь из носу нужна хорошая работа. Если условия соответствуют описанным – я готова выйти хоть завтра. А что касается *вашей* невесты... Я не могу позволить себе еще одно пятно на репутации. Так что работать буду так, как никогда раньше. Хоть гарем себе заведите, главное, чтобы ущерба для трудовой дисциплины не было.

Субординация – волшебная вещь. Обожаю того, кто её придумал. Ледяной доспех делового этикета замечательно скрывает исполосованную в лохмотья душу. Бей меня еще, дорогой, я все вынесу.

Я это умею. Я в этом виде спорта неоспоримый чемпион.
– Только рабочие отношения, – проговариваю я вслух, хотя, честно говоря, с чего я взяла, что ему интересно что-то еще? Если бы не больная совесть – черта с два бы он мне перезвонил.

Ник молчит с минуту.

Как мы до этого докатились?

От таких частых вечеров в компании друг друга, от совместных выходных и обедов, до... вот этой холодной войны. Хотя...

Пусть будет холодная война.

Любая оттепель размажет меня в кисель.

За доспехом стервы да сгинет эта бессмысленная любовь. Сгниет и усохнет.

Кем я могла бы быть ему сейчас? Другом семьи? Подружкой невесты? Крестной матерью его детей?

Это еще хуже, чем просто быть влюбленной душой из френдзоны.

– Что ж, я рад, что мы с тобой поняли друг друга, Эндж, – голос Ника, кажется, смягчается. А меня это бесит. Мне не нужно его тепло и одобрение. Не после этих весьма четко озвученных угроз. – Жду тебя завтра к десяти, – озвучивает он напоследок, – оффер пришлю на электронку, если не приедешь – буду рассматривать другие варианты.

Незаменимых нет.

– Я приеду, – безразлично откликаюсь я.

Кажется, во мне что-то в который раз умерло.

Я поднимаюсь со скамейки.

Хочется прогуляться, продышаться, отвлечься.

По уму – мне стоило отказаться.

Имей я гордость и хоть какой-нибудь запасной вариант...

Вот только какой у меня запасной вариант?

Вяземский?

Это уже за рамками всего возможного.

Да и Ангелина что-то по второй линии не звонит...

Ладно, Ник, ладно.

Хочешь рабочих отношений – будут тебе рабочие отношения.

Да и зачем мне тебя ревновать к этой твоей девушке?.

Вику ты любил. Я это видела. Это сводило меня с ума.

А девушку свою не любишь. Я ей не завидую. Ну спишь ты с ней. Чувств все равно не испытываешь.

Меня бы её место не устроило.

Я согласна быть твоей ошибкой.

А ты для меня будешь закрытым гештальтом.

Я с тобой переспала один раз – и до свидания.

Мое счастье не в тебе, мое счастье сейчас во мне, и больше всего на свете я мечтаю с ним познакомиться.

Вот только...

Я задумчиво кошусь на свой живот. Плоский. Не подозрительный.

Но долго ли еще он не будет вызывать подозрений? У Ника непременно возникнут вопросы, через несколько месяцев, когда все станет очевидно. Я, конечно, могу сказать, что это не его дело, от кого у меня ребенок. Поможет ли это избежать его навязчивого внимания?

Да и необходимые по беременности медобследования мне скрывать не удастся.

Вряд ли моя беременность оставит Ника равнодушным.

Плохая идея – работать с женщиной, к которому ты испытываешь безответные чувства.

Идея еще хуже – под его носом и носом его невесты носить под сердцем его ребенка. Это сильно осложнит мне жизнь. Если, конечно, не предусмотреть эту ситуацию заранее.

Я снова достаю телефон из сумочки. Ищу в контактах номер телефона, по которому не звонила уже год. Мой лечащий репродуктолог.

– Анжелочка, а я как раз недавно тебя вспоминала. Думала, неужели ты все-таки потеряла надежду...

С учетом того, сколько денег я у неё оставила – понятна её бесконечная радость в голосе. Она мне вообще была почти подруга – пока я ей платила.

Что ж, будем надеяться – она и сейчас меня выручит.

– Скорее у меня пропала возможность продолжать терапию, – усмехаюсь я одними губами, – Соня, у меня к тебе есть один очень непростой вопрос. Ты сможешь мне сделать пакет документов на ЭКО, но без ЭКО? Задним числом.

– А зачем? – подозрительно интересуется Софья Алексеевна.

– Нужно убедить одного человека, что я беременна не от него.

Врач некоторое время сопит, размышляет, и наконец выдает.

– Это будет дорого.

Ну что ж... Прости-прощай, моя неприкосновенная за-
начка...

6. Энджи

Будильник срабатывает как надо, в шесть, мой невроз поднимает меня за десять минут до.

Мне нужен мятный чай!

Много-много мятного чая.

Иначе я кончусь еще до третьего месяца.

Ладно, меня сегодня отпустит. Только договор подпишу, прочерчу жирным красным черту между мной и Ольшанским и все... Сосредоточусь на работе, которая будет кормить меня ближайшие восемь месяцев.

Боже, да неужели черной полосе конец? Сегодня выйду на работу. Нормальную работу с адекватным начальством. И не буду больше решать проблему потрясающего выбора – оплатить мне долг за свет или все-таки за воду? *Господи, вот во всем прекрасно быть хозяйкой трехкомнатной квартиры, кроме того пункта, в котором тебе за неё нужно платить счета. И налоги!*

Одежда подготовлена загодя, я одеваюсь секунд за сорок, как солдат-новобранец, которого вконец измучили деды. Меня измучило мое нетерпение.

Черные брюки, белая рубашка, серый джемпер поверх. Августовские утра прохладные, да и как я прикинула – от автобусной остановки я прогуляюсь пешком, так что возьму с собой ветровку.

Затягиваю волосы в узел на затылке, смотрю на себя в зеркало, нервно самой себе улыбаюсь.

Пальцы сводит от предвкушения.

Все— таки я – рабочий конь, я не привыкла так долго простаивать без дела.

Я хожу по своей квартире беззвучным призраком, на цыпочках, практически нигде не включая свет. И все равно на кухню, еще не успеваю я даже щелкнуть кнопкой электрочайника, бледным привидением является Ангелина.

Выражение лица у тетки – угнетающе-укоризненное.

– Ну зачем так рано вскакивать, мы поздно уснули вчера! – корит она меня.

Вот нет бы – корила Риччи. Это ведь он скулил половину ночи, мне пришлось спускаться в аптеку за берушами, чтобы уснуть. Слава богу, что аптека была в моем же доме и круглосуточная. Потом, проснувшись часа в три от пересохшего горла, я осознала, что в берушах смысла как будто нет – Риччи вполне себе заснул на коврик в прихожей.

Принять тетку я не отказалась. Во-первых, я ей пообещала помочь на время ремонта, да и не по-родственному это было – ставить перед фактом “ты мне работу не нашла, вот и иди лесом”. Кто знает, когда мне еще понадобится помощь Ангелины. Не все же её знакомые – Вяземские.

И за него она даже извинилась.

Знала бы – не послала бы.

И на том спасибо. Проехали эту неприятную станцию, и

больше о ней не вспоминаем.

– Хочу приехать пораньше, – отвечаю на тетин вопрос и сама ощущаю свое напряжение, – посмотреть базу, работников... Я там была раньше, но как клиент, не как сотрудник. Да и ты сама знаешь – вовремя не существует. Ты или приехал раньше, или опоздал. А первый день – единственная возможность оказать первое впечатление. Это очень важно.

Производить первое впечатление я собираюсь не на Ника. На хозяина клуба. Возможно. Если он, конечно, будет.

С Ником все... И первое, и последнее впечатление уже произведены, все выводы сделаны, вооруженный нейтралитет – наше все.

Ангелина не очень рада раннему подъему, но благостно кивает, явно одобряя мой подход.

– С богом, девочка, с богом...

Ох, лучше бы она обошлась без пожеланий. Я что-то с каждой секундой начинаю волноваться все больше.

Только бы Ник не передумал.

В свете последних событий, я уже даже не знаю, чего от него ожидать.

Раньше он от своих слов не отступался. Но и не угрожал мне ни разу...

А еще – надо, чтобы он мне поверил.

Чтобы не было потом претензий, что я оставила ребенка, чтобы помешать отношениям с его принцессой.

Нет уж. Я буду держаться от них как можно дальше. Как

только смогу.

Хотелось бы, чтобы все сегодня прошло идеально. Прямо без сучка и задоринки.

Увы, моим планам не суждено сбыться. Я даже из квартиры выйти не успеваю. Только в прихожую.

Чтобы собственными глазами увидеть, что ночью шпиц Ангелины успокоился не просто так. Он снял стресс на паре моих любимых оксфордов. Тех самых, которые я вообще-то планировала надеть сегодня.

Блин!

– Ну вот чего ты душу тянешь, Анжела! – тетка ворчит и никак не унимается. – Напишешь сколько стоит, отдам я тебе деньги за обувь...

Совесть у неё, конечно, подгорает.

Я ведь молчу. Просто пытаюсь спасти положение с помощью щетки для замши. Некоторым людям и недовольное молчание поперек горла.

Ну вот что тут скажешь – я просто знаю, что именно эти ботинки она мне компенсировать не сможет. В конце концов, я их покупала, когда работала в Рафарме, и тогда я могла себе позволить некоторый... шик. Итальянскую кожу, там...

Спрашивать цену этих ботинок с тети у меня язык не повернется. Для неё это месячная зарплата.

Ладно. Не последние ботинки. Есть и другие – менее универсальные и совершенно непрактичные, если уж быть чест-

ной. С белыми, выпендрёжными, такими маркими вставками сверху.

Конечно, лодочки на невысоком каблучке я прихватываю с собой, но пешие прогулки лучше все-таки осуществлять на плоской подошве.

Остальную обувь я убираю от греха подальше с глаз вездесущей псины. А то этак я совсем босая останусь.

– Запасные ключи в ящике комода, – сообщаю тетке напоследок.

Ей нет нужды выходить так рано, это у меня по плану сначала метро, потом автобус и пеший заход.

Ботинки неудобные. Это я ощущаю особенно остро, когда ползу в сторону клуба под дивную тяжесть в слегка отекающих ногах.

Мне кажется, я рада даже токсикозу. Легкой тошноте, усугубляющейся от запаха обычной гречки. Настолько даже не надеялась когда-то ощутить это вновь.

Нет, определенно нужно будет подробнее разузнать про транспорт для работников. Сомневаюсь, что они каждый рабочий день начинают с пеших прогулок.

Хотя я, конечно, сама виновата, это же мне приспичило приехать пораньше – познакомиться.

Пообщаться.

Глянуть на персонал Артемиса критичным взглядом не клиента, а той, кого уже через пару недель работы здесь будут нежно любить исключительно сквозь зубы.

А посмотреть есть на что.

Охранника на пропускном пункте нет. В девять утра. Просто блестяще.

У кого тут будет много работы? Правильно, у тех, кого я буду строить.

Нет, конечно, можно сказать – да кому оно надо, в пятницу, с утра, ехать к лошадям, но ведь есть же любители.

И какие-то клиенты на базе точно есть, я замечаю фотографа с тремя моделями, которые стоят у одной из конюшен и кого-то ждут. Личики у моделей недовольные.

– Вы кого-то ждете? – я обращаюсь к фотографу, и он окидывает меня критичным взглядом. Опознать во мне сотрудника сложно, строго говоря – я им не являюсь пока что, я пока просто прицениваюсь.

– Инструктора и конюха, – раздраженно роняет фотограф, поудобнее перехватывая штатив, – инструктор ушла за ним двадцать минут назад. И пропала. Кудрявая такая девица. Назвалась Олесей.

Да, знаю такую. Не бог весть что, но раньше она себе таких фортелей не позволяла.

– Сейчас я её поищу, подождите чуть-чуть, – я любезно улыбаюсь, а мужчина недовольно кривится.

– Конечно, подожду, какой у меня выбор? Но если это попытка слупить с меня побольше денег за время аренды, то я вам такой скандал устрою...

На самом деле искать приходится недолго. Искомая Олеся

находится у поля для стипль-чеза. В компании еще шести таких же девиц, восторженно таращащихся, как гоняет по кругу и взмывает над барьерами один широкоплечий жокей.

Блин, и вот это все в начале рабочего дня.

Нет, определенно этому коллективу меня не хватает.

За группой сотрудниц я наблюдаю ровно три минуты, отслеживая время по часам. За это время отчаянно рисующийся наездник успевает пролететь треть поля и приблизиться к сектору “болельщиц”. Девушки определенно оживляются.

Что ж, у них был шанс разойтись самостоятельно.

– Олеся, вас по-прежнему ожидает клиент, – ровно произношу я, останавливаясь в трех шагах от веселой компании. Есть такая волшебная тональность негромкого спокойного голоса, которая заставляет перекрикивать даже орущую музыку на дискотеке, не то что чужую болтовню. Секрет прост. Нужно говорить не с человеком. А с его совестью, которая хоть и спрятана, но болит! У неё очень хороший слух.

Окликнутая мной девушка оборачивается, недовольно кривя пухлые губы. Окидывает меня скептическим взглядом.

– Вы вообще кто? Я вас не знаю.

Нет, я не надеялась, что она меня помнит как клиентку. Хорошо, что нет. Это мне даже на руку.

Бросаю взгляд на циферблат на запястье.

– Я ваш без пятнадцати минут администратор, Олеся. Мне напомнить вам, у какой конюшни вас ждут, или

у вас все не настолько плохо с памятью?

– Без пятнадцати минут? – уточняет вторая девушка, тоже тренер по верховой езде. – То есть вас еще в штат не взяли? Не помню, чтобы вас представляли.

– Можете подождать, пока представят, – я улыбаюсь так, что моя оппонентка прикусывает язычок, – только в этом случае наше знакомство будет сопровождаться штрафными квитками для всех, кто в рабочее время был замечен празднично шатающимся по территории клуба.

Молчаливая пауза после – как проверка на вшивость. Вот только железобетонная уверенность – это безотказный инструмент в битве с подчиненными. До тех пор, пока ты сам не чувствуешь в себе слабость – ты и будешь вожаком стаи.

– Пойдемте, девочки, – нехотя роняет Олеся и быстрым шагом удаляется в сторону конюшни, где её ждут.

За первой бегущей крысой разбегаются и остальные. Я фыркаю – просто не могу удержаться от наполняющего меня триумфа.

– И кстати, если мне не изменяет память, все сотрудники должны носить бейджи, – повышаю голос я. Ни у одной из “зрительниц” бейджиков не было. А меж тем они нужны для того, чтобы клиент не гадал, кто из сорока человек болтающихся по территории между тренировочными полями и конюшнями действительно сотрудник.

Кто-то презрительно хмыкает, но на больший вык решимости не хватает.

Ну, если ты меня не возьмешь, Ник, то я точно пойду к теткиной знакомой секретарем, а сюда буду опять приезжать по выходным и злорадствовать над муками того, кто займет мое место.

– Эй! Ты кто такая, что разогнала моих девочек? – недовольный голос звучит за моим плечом.

С поля.

Я разворачиваюсь, встречая скептический взгляд всадника-понтореца.

Клиент? Или еще один работник, уклоняющийся от своих обязанностей?

Из-под шлема выбиваются влажные темные пряди, нос – породистый, губы недовольно поджаты. Мужик относительно взрослый. На год или два старше Ника. Но не сравнить. От этого персонажа прямо за километр несет безалаберностью. Вечный мальчишка, из тех, кто никогда не наиграется мускулами перед девчонками.

Наверное, все-таки клиент. Или тренер, работающий с VIP-клиентами.

Конь под ним нетерпеливо пляшет, явно досадуя, что его оторвали от такой увлекательной тренировки.

– У девушек есть свои рабочие обязательства, – нейтрально поясняю я, – и у всех остальных сотрудников тоже. Боюсь, что вам для выступления придется поискать более свободную публику. А теперь прошу меня извинить, я тороплюсь.

Я его запомнила. Запомнила, кого следует взять на каран-

даш, если он окажется сотрудником. Надеюсь, это не самый продуктивный тренер клуба, а то очень грустно будет его увольнять.

– Эй! Я тебя не отпускал вообще-то!

Забавно. Он меня не отпускал. Считает, что имеет право мной распоряжаться? Что ж, оставляю его вопрос без ответа. Ибо пока что меня тут даже Ник “отпускать” не имеет права. Трудового-то договора нет.

Догоняет меня этот барин даже слишком быстро. Я даже останавливаюсь, чтобы убедиться, что конь не брошен без присмотра. А то знаю я этих... хозяев жизни. Таким вообще плевать на лошадей, они здесь как статусные игрушки. Как машина, только жрет. Поэтому оставить лошадь на “погулять” они могут очень просто.

Нет, вряд ли тренер бы бросил коня во время тренировки.

Но если это все-таки он, я уже готова написать на него большую и длинную докладную. Этот конь... Боже, да он же легенда. Был, есть и остается ею. Как можно обращаться с ним вот так, будто он – перчатка, которую чуть что можно просто сдернуть с руки и бросить на лавочке?

Любой чемпион – это престиж клуба. Чем больше в клубе чемпионов – тем больше у него клиентов-толстосумов, которые очень ведутся на пафос и не жалеют денег на элитное хобби.

Именно поэтому я тихонько выдыхаю, когда вижу, что гордость клуба, поджарого вороного Амиго, чемпиона по по-

следним соревнованиям по стипль-чезу, уже уводит конюх.

– Детка, у тебя вообще все в порядке со слухом? – нахал в очередной раз нарушает все границы приличий и бесцеремонно похлопывает меня по плечу. – Я тебя спрашиваю, кто ты такая? И откуда вообще взялась, такая борзая?

Все больше поведение этого настырного мужика напоминает поведение клиента, которому все вокруг должны и обязаны.

Взгляд на него я перевожу без лишней спешки. Конфликт мне не нужен, если это клиент с деньгами, а иной не потянул бы занятия на Амиго – терять его все-таки лучше не стоит.

– Извините, – выведя тон в температурный режим "чуть выше нуля" озвучиваю я, – я – менеджер по персоналу. У сотрудниц, составлявших вам компанию, много работы. Я могу вам чем-то помочь?

– Ну, если ты готова орать восторженные кричалки вместо них – так и быть, будем считать тебя прощенной, – нахал щурит на меня свои бесстыжие, светло-ореховые глаза, – можешь занимать их место, а я продолжу...

– Прошу меня простить, но это, увы, помешает мне выполнять мои непосредственные обязанности, – вежливая улыбка изгибает мои губы, – если других пожеланий нет, извините, меня ждет директор этого клуба.

Я знаю тысячу историй о том, как может неадекватно среагировать клиент на любое самое вежливое обращение.

Да боже, я стажировалась в гостинице, я видела малолет-

ку, который качал права и требовал заселить его без паспорта, потому что у него папа – мэр какого-то провинциального городочка и “знаете, что он с вами сделает?”.

Мужик же смеривает меня изучающим взглядом и убирает руку с моего плеча. Дивно.

Не дивно то, что он снова меня догоняет, совершенно не желает отставать.

– И давно ты тут работаешь, киса? Что-то я тебя здесь раньше не видел, – продолжает доканываться до меня мужик. Развязный тон, бесцеремонное обращение... Эх. А ведь показался мне слегка адекватным, после того как убрал свою клешню. Надо ж было ему испортить то краткое приятное впечатление, что умудрился каким-то чудом оставить.

– С сегодняшнего дня, – спокойно роняю я. Пусть несколько опережаю события. Если Ник там передумал, будем считать этот заход по дрессировке его раздолбаев предупредительным выстрелом. Да и...

Ну нет.

Если все так, как я вижу – ему тут нужна не только я, но и парочка моих клонов. Чтобы точно справились в оперативные сроки. Иначе потопнет этот Титаник, и Ника за собой утащит.

– Может быть, вам стоит продолжить вашу тренировку? – предлагаю я, нежно заколебавшись ожидать, пока мой неожиданный попутчик отвалится сам по себе.

Тем более, что к зданию непосредственно администрации

я уже подошла. Только и осталось, что по ступенькам забегать вверх.

– Хочешь сказать, что я недостаточно хорош? – мужик выговаривает это чуть ли не с обвинением, явно намереваясь в случае моего отрицания удариться в обвинения “да ты ничего не понимаешь, понаберут тут всяких с улицы”.

– Настоящий профи всегда найдет, где улучшить свои показатели, – спокойно возражаю я, уклоняясь от необходимости облить клиента ведром фальшивой лести.

Нет, это слишком тонко...

Он не отстает. Я же поднимаюсь на крыльцо, мне действительно некогда по десять раз объяснять, где кого ждут. Сам приклеился, сам и отвалится. Ну, если вздумает устроить скандал из-за того, что я “разогнала ему девочек” – придется извиниться еще раз.

Иногда это бывает необходимо. Клиент всегда прав и вот это все.

Когда я впервые за несколько недель вижу Ника, я с трудом справляюсь с желанием замереть как олень в свете фар. Черт тебя задери, Ольшанский, почему на тебе настолько здорово сидят деловые костюмы?

И как эта дурочка-секретарша, которую ты отчитываешь за ошибки в составленном деловом расписании, до сих пор не сгорела со стыда?

Хотя, вижу, вижу – она пытается...

Анжела, у тебя, кажется, опять прорвало трубу. Иначе

откуда хлещет вся эта ваниль? Сантехника, пол-царства за сантехника!

– Доброе утро, Эндж, – Ник нейтрально, но все-таки улыбается при виде меня, – доброе утро, Артем Валерьевич. Вы уже познакомились?

– А? – я оборачиваюсь к вошедшему за мной мужику – единственному кандидату на того, кого могут назвать именем Артем. Сама понимаю, что мои глаза несколько глуповато округляются. Встречаю ставший совершенно ехидным взгляд карих глаз, но все-таки спрашиваю. – А вы вообще кто?

Он не отвечает, только улыбается, торжествуя и даже слегка с угрозой. Будто я – кусок яблочного пирога, который только что подали к его обеду. Отвечает Ник. Буднично, между делом, как давая справку.

– Артем Валерьевич Тимирязев, хозяин клуба.
Ох, блин!

Лучше б он был скандальным клиентом!

7. Энджи

Не то чтобы я сейчас о чем-то жалела.

Но, возможно, вот хозяину-то клуба о своей должности говорить было и преждевременно...

Он, получается, слушал, как я ему лапшу на уши вешаю, да еще и добавки просил.

В любой другой ситуации я бы вздернула нос и решила – ну, если он откажется от моей персоны – сам дурак, но...

Блин, это мой единственный шанс получить нормальную работу.

И я хорошо знаю свое положение: от двух полосок до очередной претензии из управляющей компании, ожидающей меня дома в почтовом ящике.

Я и вклинилась в эту чертову историю с инструкторшей только из-за клиента, который явно уже был близок к точке срыва. Фотограф уж больно известный, скандал от такого действительно ляжет на клуб жирным, практически несмываемым пятном.

Если бы не это – черта с два я бы открыла рот до представления персоналу.

Нет, определенно, благими намереньями вымощена дорога в ад. Вот он мой ад – стоит, смотрит на меня, тянет с тем, чтобы послать меня к черту. Ему определенно нравится, как поет на ветру та струна, что удерживает меня над пропастью.

Впрочем...

Может, не все для меня потеряно?

Тимирязев же изволит молчать и сверлить меня выжидающим взглядом. Настолько, что и Ник, и его секретарша не вмешиваются в нашу перестрелку взглядов и все, что звучит в комнате – гудение кондиционера.

Что ж, погибать – так с музыкой.

Назад все равно уже ничего не открутишь, нужно играть с теми картами, что нагребла. Даже если все они – шестерки, и ни единой козырной.

– Ну что, мне сходить за флажком и занять свое место на трибуне, – я насмешливо приподнимаю бровь, – вы впишете это в мою рабочую инструкцию отдельным пунктом, Артем Валерьевич?

Тимирязев фыркает, так громко и неприкрыто, что это кажется каким-то громом среди ясного неба. Пружина внутри меня, туго скрученная, напряженная, удивленно вздрагивает.

Смеется? Правда, что ли?

Если по-настоящему смеется, значит, по крайней мере, расположен не враждебно.

– Ты был прав, Ник, – Тимирязев проходится по мне с головы до ног критичным взглядом, – зубастая, въедливая, бесцеремонная. То, что нам нужно. Эта не будет мямлить и просто просиживать штаны за зарплату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.